

С ужасом узнала, что в нашем городе нашлись люди, которые осмелились утверждать, что в Борисове в годы оккупации были не подпольные группы патриотов, а просто банды, с которыми фашисты справедливо расправлялись.

Так сказать может только тот, кто понятия не имеет о страшной войне, пережитой нами. Мы, довоенные комсомольцы, с самого начала войны вместе с родными и товарищами искали любую возможность, чтобы причинить оккупантам вред. Мы любили свою Родину, свой город и не могли сидеть сложа руки, смотреть, как фашисты хозяйничали в Борисове.

В начале 1942 года я устроилась работать на ДОК. Здесь уже была организована большая подпольная группа во главе с Иосифом Демским. Чтобы иметь больше свободы в действиях подполья, он согласился на

должность русского директора (был еще немецкий директор Гольтман). Вместе с Полей Зуевой, Лёлей Пигулевской, Раей Реутович, Тоней Вишневской, Иваном Субботиным, Анатолием Бинкисом, Виктором Андриевским и другими мы часто собирались в нашем доме и решали, кому что делать, кому куда идти собирать сведения о немцах, писали и распространяли листовки. А когда появился в лесу отряд Лопатина, мы поддерживали с ним связь через Гришу Носова — друга моего младшего брата Виктора. Подпольщиками нашей группы было много сделано: взорвана подстанция и устроено несколько пожаров на ДОКе, в результате которых сгорели лесопильные рамы и склады досок, взорвали цистерну с бензином на ж.д. станции, подожгли цех на спичечной фабрике. Мы собирали оружие, одежду, обувь, медикаменты, наблюдали за движением поездов и военной тех-

свидетельствуют очевидцы

ПРЕДАЛ ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ

ники. Мой дядя Бинкус, шофер у немецкого директора Гольтмана, организовал его похищение, и вместе с партизанами Б. Качаном, Н. Капшаем и другими увезли его в партизанскую бригаду «Дяди Коли». Очень много мы помогали военной разведке. В Борисов была направлена разведчица А.И. Куликова. У нее была рация, которая хранилась в доме А. Дмитриева. Он работал на спичечной фабрике и был связан с подпольщиками. Я могу рассказывать о действиях подпольщиков бесконечно. К сожалению, очень многие мои товарищи погибли, в том числе И. Демский с семьей, Субботин, Прокопович с семьей, мои родители и мой брат Виктор. Меня в конце 1943 года арестовали, бросили в тюрьму, потом пе-

ревели в концлагерь напротив ДОКа, оттуда — в Минский лагерь, а весной 1944 года — в Освенцим (мой номер 79666).

Мне посчастливилось остаться в живых. А сколько же людей погибло! Я знаю десятки фамилий моих сверстников-патриотов, которые остались только в воспоминаниях таких, как я.

Удивляюсь, как научный сотрудник музея Рахович не прочитал мои воспоминания, которые я писала раньше и которые должны храниться в нашем музее. Может быть, их уже там нет? Может быть, уничтожили, чтобы теперь утверждать, что широкого подполья на оккупированной территории не было, а были только предатели? Да, были и предате-

ли. На мой взгляд, этот научный сотрудник предал память наших борисовчан, муже-

ственно сражавшихся с фашистами в годы войны. А ведь он не сам по себе — в музее есть коллектив во главе с директором. Я сама после войны долго работала на спичечной фабрике начальником автоматного цеха и знаю, что все важные вопросы всегда обсуждаются в коллективе, что без руководителя не принимаются решения. Значит, директор такого же мнения о подпольщиках, как и этот сотрудник? Тогда как же можно работать с молодежью и вообще с населением? Тогда какой смысл в тех встречах-воспоминаниях, которые проводятся?

Ванда АНДРИЕВСКАЯ, бывшая участница Борисовского подполья, связанная 12-й партизанской бригады им. Сталина (уд. №124304), узница фашистских концлагерей